
НОВАЯ БОЛЬШАЯ ИГРА ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ В РЕГИОНЕ САХЕЛЯ

Б. Хассимиу

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

В данной статье рассматривается и анализируется роль западных государств в процессе дестабилизации региона Сахеля. Автор подробно освещает процесс легитимации вторжения западных держав в государства Африки, раскрывая всю последовательность сопутствующих этому явлению событий, а также совокупность его последствий. В статье выделяются и описываются ряд тенденций, сформировавшихся в результате новой «Большой игры» и определивших динамику мирового порядка. Отдельное внимание автор уделяет проблеме противостояния терроризму как требующей углубленного исследования. В статье достаточно подробно представлены метаморфозы вооруженных движений и группировок в регионе, начиная от алжирской резни и до переворота в Ливии, сопровождающиеся их укреплением и ростом влияния от уровня участников гражданской войны до угрозы мирового масштаба.

Ключевые слова: Новая Большая игра, западных держав, Сахель, терроризм, вторжение, международные организации

Вторжение в Мали, инициированное Францией в январе 2013 г., является симптомом постепенной милитаризации отношений между странами Запада и Юга. Инициированный после окончания холодной войны, этот процесс означает окончание мирового порядка, преобладающего на протяжении предыдущего полувека. Тем не менее, это явление можно рассматривать и с точки зрения более длительного периода времени: интервенционизм «великих держав» носит циклический характер, что выявляет устойчивое отношение господства метрополий к зависимым государствам и отсылает нас к тенденциям, уже проявлявшимся в XIX—XX вв.

БОРЬБА КРУПНЫХ ДЕРЖАВ С ТЕРРОРИЗМОМ

В период после 11 сентября 2001 г. появляется оперативная служба безопасности, отвечающая новым условиям — противодействие вооруженным группировкам, определяемым как «террористические» и враждебным по отношению к Западу; высказывается намерение начать с ними войну в их убежищах не только на политическом, но и на военном уровне [Galy 2013: 59]. Если отбросить социальные, политические и экономические факторы конфликта, это общее утверждение о «террористах», однако, вызывает немаловажный вопрос — можно ли называть «зоной риска» регион, в котором нет мобилизованных элементов или хотя бы их посредников? Несмотря на милитаристскую риторику о безопасности, важно понимать преобладающую динамику в этих областях, которые неожиданно стали описывать как «порождающие кризис», при помощи поразительно хлестких неологизмов («сомализация», «афганизация», «Сахелистан» или «Африканистан»).

Чтобы понимать, какая именно игра ведется в Сахеле, в самом сердце «безнадежного континента» (именно так Африка была названа на обложке журнала

The Economist в мае 2000 г.), необходимо рассматривать динамику всего мирового порядка, которая прежде всего определяется способностью крупных держав чувствовать относительную безнаказанность за свои действия.

Если «Большая игра» XIX в. получила новую жизнь в последние десятилетия, то произошло это во многом благодаря набору трюков публичной легитимации, таких как «хорошее управление», «права человека», «демократизация» или борьба с «терроризмом». «Юг» выглядит менее пассивным, чем в прошлом. В этой связи стоит отметить три основных, довольно неоднозначных, особенности, определивших направление этих перемен¹. Первая из этих особенностей связана с неспособностью постколониальных режимов выработать схему создания стабильного и суверенного государства; режимы Юга показали себя как довольно авторитарные на внутригосударственном уровне, но не сумевшие вернуть себе инструментов геополитического влияния в области внешней политики. Эта двойственная тенденция после 11 сентября усилилась: «неоавторитаризм» этих режимов лучше воспринимается международным сообществом, если правящий режим передает ключи от местного суверенитета в руки «партнеров по внешней безопасности», тем самым подготавливая фундамент для будущего вмешательства [Galy 2013: 60].

Второй значимой особенностью, характерной для негосударственных вооруженных группировок конца XX — начала XXI в., является их способность применять силу на транснациональном уровне, что само по себе можно назвать уникальным явлением. Традиционная монополия государства на применение силы получает жестокий удар, а традиционная схема развертывания вооруженных конфликтов расширяется в пространстве и времени. Развертывание этих групп, кажущихся бесконтрольными и неуправляемыми, является инструментом развала государств и в то же время служит оправданием новой военно-оборонной риторики западных государств и использованию грубой силы в контексте нерегулярной войны².

Третья новая характерная особенность «большой игры» такова — теперь это поле для усиливающейся конкуренции, особенно в Африке, между западными странами и развивающимися державами Юга, в первую очередь Китаем и Индией. Близость месторождений урана в Нигере, контролируемых Францией, но интересующих другие государства, в частности Китай, не только не противоречит общему направлению международной геостратегии в регионе Сахель, но и вписывается в рамки риторики о «борьбе с террором» [Santandé 2014: 133—136].

ЛЕГИТИМАЦИЯ ВТОРЖЕНИЯ

После национально-освободительных войн 1950-х гг. и 1960-х гг., в период холодной войны прямое вмешательство западных держав оставалось ограниченным традиционными областями влияния (США в Латинской Америке и Азии,

¹ Mohammad-Mahmoud Ould Mohamedou. Le nouveau «grand jeu» des puissances occidentales. Available at: http://graduateinstitute.ch/files/live/sites/iheid/files/sites/international_history_politics/shared/faculty_publications/OULD_MOHAMEDOU-Grand_Jeu_Sahel_-_Book_Chapter_2013.pdf (date of access: 12.05.2016).

² Ibid.

Франция в субсахарской Африке), а Юг был дополнительным пространством конкуренции по оказанию влияния между США и Советским Союзом [Réan 2010: 67—70]. Однако после распада советского блока западный интервенционизм, получивший теоретическую базу в качестве «права вмешательства» в 1987 г. и уточненный как «ответственность по защите» в 2001 г., проявился во всех направлениях: в Сомали в 1992 г. (США), в Руанде в июле 1994 г. (Франция), в Гаити в июле 1994 г. (США), на острове Тимор в сентябре 1999 г. (Австралия), в Югославии в марте 1999 г. (НАТО), в Афганистане в октябре 2001 г. (США и Великобритания), в Ираке в марте 2003 г. (США и Великобритания), в Кот-д'Ивуаре в ноябре 2004 г. и апреле 2011 г. (Франция), в Ливии в марте 2011 г. (НАТО) и, наконец, в Мали в январе 2013 г. (Франция) [Galy 2013: 60].

Таким образом, новая «большая игра» характеризуется не столько переделом мира непосредственно в области управления, как это было на Берлинской конференции, созванной в 1885 г. для раздела африканских территорий в условиях «драки за Африку» и заложившей основу для стандартизации новой структуры международных отношений, оставляющей в стороне инструменты дипломатии и делающей акцент на силовом урегулировании разногласий [Badie 2010]. В это же время такая структура позволяла могущественным государствам определять необходимость военной интервенции в соответствии с принципом круговой логики. Такое решение закономерно приводит к уверенности западного общества в том, что на этих землях «начинается анархия» [Kaplan 1994: 44—74]. Из этого плавно вытекает вывод о том, что таким странам нужно оказывать помощь в управлении и стремиться дисциплинировать их — иначе они могут представлять собой угрозу для Севера.

Именно в этой плоскости нужно рассматривать визит президента Олланда в Томбукту 2 февраля 2014 г.¹, вписывающийся в схему, реализованную в 2003 г. Президентом США Джорджем Бушем². Последовательность событий тогда разворачивалась следующим образом: провозглашение опасными правящих режимов (Ирак, Ливия), вооруженных группировок (талибы, Аль-Каида), отдельных личностей (Саддам Хусейн, Муаммар Каддафи, Лоран Гбагбо), список целей, объявленных требующими чрезвычайного вмешательства экспертов в области безопасности (приверженцев «борьбы против религиозного фанатизма») и привлечение патриотически настроенных представителей СМИ («сопровождающих наших солдат»); дипломатические усилия, предпринятые ради возможности заявить впоследствии, что «было сделано все возможное»; «контактная группа», ссылающаяся сама на себя; военная операция, развернутая «во имя борьбы с терроризмом», проходящая с впечатляющей демонстрацией силы — (*shock and awe*) «шок и трепет»,

¹ Hollande à Bamako: Le terrorisme n'a pas encore été vaincu. Available at: <http://www.leparisien.fr/international/mali-hollande-en-visite-pour-appeler-les-africains-a-prendre-le-relais-02-02-2013-2534063.php>. (date of access: 12.06.2016).

² Mission accomplie en Irak: c'était il y a 11 ans. Available at: <http://geopolis.francetvinfo.fr/miission-accomplie-en-irak-cetai-il-y-a-11-ans-37233> (date of access: 12.06.2016).

потрясение и устрашение, это те слова, которыми без сомнения можно описать вторжение США в Ирак 19 марта 2003 г.¹

А когда это вмешательство приводит к отступлению противника, лидер западного государства отправлялся в сердце страны — объекта вторжения и заявлял, что «миссия выполнена» (Джордж Буш на авианосце ВВС США «Абрахам Линкольн» 1 мая 2003 г.), что «Ливия освобождена» (Николя Саркози в Бенгази 15 сентября 2011 г.) или что «террористические группы ослаблены» (Франсуа Олланд в Томбукту 2 февраля 2013 г.). Французские и американские освободители принимают благодарности (многочисленные плакаты с надписями: «Спасибо, Буш», «Спасибо, Саркози», «Спасибо, Папа Олланд»), и такая инфантилизация неизбежно создает видимость лояльности².

Впоследствии организуется международная конференция в поддержку стран, подвергшихся вторжению, звучат обещания значительной финансовой поддержки (не обязательно реализующиеся по прошествии времени) и проводятся выборы. Этот момент и то, как подается информация о нем, завершают создание ореола «успеха», не подлежащего сомнению. «При всем уважении к приверженцам „неоколониализма“ и сторонникам традиционной дипломатии, малийская война подтверждает правомерность этого „долга вмешательства“, все в большей и большей степени ложающегося на великие демократические нации, — такие восторженные слова, к примеру, были опубликованы одним из французских издателей в феврале 2013 г. после вооруженного вторжения в Мали. — [Такое] вмешательство... дает, в основном, гораздо лучшие результаты, чем невмешательство» [Joffrin 2013: 5].

Не имеющий примеров в истории энтузиазм, проявляемый западными государствами в отношении интервенций в начале XXI в., таким образом, отмечает важную тенденцию, которую необходимо отметить: если говорить максимально просто — интервенция сама по себе не залог успеха, как утверждал востоковед XIX в. Так, согласно словам Эдварда Саида, подобные события сопровождаются формированием в умах широкой общественности мнения о нормальности и допустимости вооруженных действий, проводимых с политическими целями. Однако после интервенции, казалось бы, «освобожденные» территории продолжают оставаться небезопасными, либо ситуация только ухудшается [Said 1994]. Эта, вторая, фаза вторжения неизменно создает условия для асимметричных войн, ведущихся группировками, отступившими в труднодоступные районы (Вазиристан, «Адрар-Ифорас»), «охоты на ведьм» в отношении каких-либо этнических групп или проигравших политиков, нарушений прав человека, нападений и похищений людей, и, в конечном итоге, к исходной проблеме добавляется еще большая нестабильность. Так, большинство регионов, испытавших на себе все эти процессы, в последнее время страдают от конфликтов более тяжелых, нежели раньше, —

¹ Le Mali, théâtre de l'ingérence internationale banalisée? Available at: <http://www.jolpress.com/mali-operation-serval-michel-galy-theatre-ingerence-internationale-banalisee-article-819963.html> (date of access: 12.06.2016).

² Il a choisi, il a osé: il a dit NON! 28 Avril 2014. Available at: http://www.fncdumali.com/Il-a-choisi-il-a-ose-il-a-dit-NON-_a93.html (date of access: 12.06.2016).

в Сомали различные группировки возникли в 1970 г. во время конфликта с Эфиопией; Ирак пережил череду войн начиная с 1980 г.; древняя вражда общин в Руанде и Афганистане и автократий в Гаити, Кот-д'Ивуаре и Ливии разрушили эти общества [Survie 2013: 115—118].

ОТ АЛЖИРСКОЙ РЕЗНИ ДО ПЕРЕВОРОТА В ЛИВИИ

Если «туарегский вопрос» можно назвать относительно обычным случаем сепаратистских устремлений, не удовлетворенных в результате деколонизации (таким, как курдский вопрос на Ближнем Востоке), то теперешний конфликтный потенциал региона Сахель проистекает непосредственно из неразрешенности алжирской гражданской войны 1990-х гг. К концу 1997 г. Алжир был обессилен почти десятилетним социальным кризисом, выродившимся в одну из самых кровавых гражданских войн, когда-либо известных миру¹. От восстания в Алжире в октябре 1988 г. и до резни в Релизане в декабре 1997 г. первую роль в превращении страны в ад играют радикальные вооруженные группировки, характеризующиеся устойчивой чрезмерной жестокостью, устойчивой неясностью в отношении действительной природы их организаторов и преследующие скорее криминальные, нежели идеологические цели².

Несмотря на то, что после своего создания в 1998 г. и на протяжении последующих 5 лет Салафистская группа проповеди и борьбы (СГПБ), представитель Вооруженной исламской группы (ВИГ), относительно не воспринималась как угроза безопасности, в 2003 г. она начинает проникновение в северную часть Мали, установив девять лет спустя практически полный контроль над этой областью [Саватеев 2015: 227—256].

Начиная от захвата в качестве заложников двадцати трех европейцев в февралеп—апреле 2003 г. и до захвата сотен иностранных граждан на газовом месторождении у города Ин-Аменас 16—19 января 2013 г., СГПБ, сменившая название на Аль-Каиду в странах исламского Магриба (АКИМ) в январе 2007 г., за десятилетие превратилась из внутренней проблемы Алжира в проблему целого региона Магриб—Сахель, выросла из вызова стабильности африканского континента в «угрозу международному миру и безопасности»³.

Итак, если похищения людей 2003 г. определяют схему действий террористов (между 2003 г. и 2013 г. в регионе семьдесят два заложника было захвачено, из них десять человек были казнены), события 2013 г. указывают на алжирское проис-

¹ La question touareguelle quels enjeux? Available at: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00829029/document> (date of access: 12.06.2016).

² Mohammad-Mahmoud Ould Mohamedou. Le nouveau «grand jeu» des puissances occidentales. Available at: http://graduateinstitute.ch/files/live/sites/iheid/files/sites/international_history_politics/shared/faculty_publications/OULD_MOHAMEDOU-Grand_Jeu_Sahel_-_Book_Chapter_2013.pdf (date of access: 12.06.2016).

³ L'Algérie au dilemme malien. Available at: <http://sahel-intelligence.com/2586-sahel-lalgerie-face-au-dilemme-malien.html>. (date of access: 12.06.2016).

хождение кризиса, поскольку после французского вторжения в Мали реакция вооруженных группировок происходила со стороны Алжира [Notin 2014: 81—85].

В действительности очевидно влияние ВИГ на СГПБ, в дальнейшем АКИМ, как и на Движение за единство и джихад в Западной Африке (ДЕДЗА), сформированное в декабре 2011 г., и на Ансар аль-Шариа, отколовшуюся от ДЕДЗА в январе 2012 г.

Первоначально алжирцы спровоцировали нестабильность на севере Мали с целью набрать добровольцев из числа жителей этой области. Впоследствии это проникновение вызвало появление подражателей, что сделало возможным создание Ансар ад-Дин, группы туарегов радикальной исламистской ориентации, сформированной в декабре 2011 г., накануне восстания Национального движения за освобождение Azawad (НДОО), косвенным образом спровоцировавшего смену власти в Бамако 21 марта в пользу представителей вооруженных сил [Galy 2013: 66].

Несомненно, нужно исходить из этого, чтобы понять поведение вооруженных группировок в Сахеле. Происхождение АКИМ, ранее — СГПБ, рядовой группировки, от ВИГ, подрывает псевдорелигиозный образ группы. После 11 сентября¹ АКИМ начинает приобретать союзников в Сахеле, создавать подразделения и многочисленные *katibas* (бригады).

Действительная природа группировки выявляется, если обратить внимание на незаконный оборот наркотиков, оружия, бензина, сигарет и похищение иностранцев в качестве заложников. Политическая экономия терроризма подразумевает соучастие организаторов похищений и посредников, заинтересованных в проведении переговоров с точки зрения получения финансовой выгоды. Бизнес-план организаторов АКИМ основан на получении выгоды от стратегии регионализации, проводимой под руководством Al-Qaida al oum (Матери Аль-Каиды), владеющей франшизой, но в конечном итоге жертвующей некоторой частью контроля и сплоченности [Bourguï 2013: 91—106].

Второй по значимости фактор дестабилизации региона Сахель — результат вмешательства НАТО в вооруженный конфликт в Ливии и насильственное разрешение революционных процессов, происходивших в стране 16 февраля 2011 г.

Во-первых, после открытия в конце февраля 2011 г. ливийских оружейных хранилищ большое количество оружия попадает в Сахель. Среди первых, кто воспользовался этой возможностью — АКИМ, быстро отправившая своих представителей для захвата части этих запасов и переправления арсенала в убежища организации в северной части Мали [Survie 2013: 234].

Во-вторых, группы туарегов, находившиеся в Ливии в изгнании, возвращаются в Мали обогащенными боевым опытом и полными желания отомстить правительству Мали, и без того ослабленному потерей союзника в Триполи. Таким образом, 16 октября 2011 г. две основные политические формации туарегов, Национальное движение Azawad (АМН) и Союз Туарегов Северного Мали за перемены

¹ Mohammad-Mahmoud Ould Mohamedou. Le nouveau «grand jeu» des puissances occidentales. Available at: http://graduateinstitute.ch/files/live/sites/iheid/files/sites/international_history_politics/shared/faculty_publications/OULD_MOHAMEDOU-Grand_Jeu_Sahel_-_Book_Chapter_2013.pdf (date of access: 12.06.2016).

(Alliance touarègue du Nord-Mali pour le changement (АТНМС)), объединяют свои силы, чтобы образовать Национальное движение за Освобождение Azawad (НДОА). Этот союз начинает в январе 2012 г. военное наступление при поддержке исламистов, к концу марта завоевывая Томбукту, Гао и Кидаль [International Crisis Group 2012: 5—6].

Кризис, зародившийся в Мали в начале 2012 г., на фоне окончания правления малийского Президента Амаду Тумани Туре, является столкновением на геополитической арене трех разных действующих сил: растущего контроля территории северного Мали со стороны радикальных исламистских группировок алжирского происхождения, распространявшихся в этой области на протяжении по меньшей мере десяти лет; появление в регионе большого количества оружия из ливийских запасов, послужившего беспрепятственному вооружению АКИМ и связанных группировок; и, наконец, сепаратистские устремления вновь созданных туарегских группировок [Подгорнова 2015: 61]. После разгрома малийской армии и победы над НДОА в июне и ноябре 2012 г. ополченцы Ансар ад-Дин 8 января 2013 г. начинают удары по городам Мопти и Конна, находившиеся под управлением французской армии, запросившей помощь со стороны малийских властей [International Crisis Group 2012: 5—6].

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, НЕУСТОЙЧИВАЯ ПОЗИЦИЯ И ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ

В обстановке перераспределения принципов международных отношений Сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС) начинает предпринимать действия по урегулированию кризиса в Мали. 5 июля 2012 г. Совет Безопасности Организации Объединенных Наций принимает Резолюцию 2056¹, в которой выражает поддержку усилиям временного правительства Мали и призывает к восстановлению территориальной целостности государства. Совет отмечает просьбу ЭКОВАС о развертывании сил по стабилизации и «выражает готовность рассмотреть дальнейшие просьбы [...], как только будет получена более подробная информация о целях, средствах и условиях предполагаемого развертывания». 12 октября была принята Резолюция 2071²: предполагая развертывание в Мали африканских вооруженных сил под руководством ЭКОВАС, Совет снова запрашивал дополнительную информацию об африканских странах, предоставляя 45-дневный срок для подготовки доклада о принятых мерах.

Проект этого вторжения бесконечно удивляет тем, что подразумевает взаимодействие в партнерстве с авторитарными правящими режимами Юга, особенно с учетом того, что они планируют вторжение. Тот же самый Совет Безопасности, выдавший разрешение на военное вмешательство в Ливию в марте 2011 г. (Резо-

¹ Резолюция 2056 (2012), принятая Советом Безопасности на его 6798-м заседании 5 июля 2012 г. S/RES/2056 (2012).

² Резолюция 2071 (2012), принятая Советом Безопасности на его 6846-м заседании 12 октября 2012 г.

люция 1973), запросил перед этим «дополнительную информацию о НАТО» [Survie 2013: 116—120]!

В большей степени, нежели предыдущая, современная «большая игра» характеризуется свободой, с которой ответственные лица корректируют свои высказывания по некоторым вопросам. Так, столкнувшись с вооруженным восстанием в декабре 2012 г. и обратившись к Франции за помощью, центральноафриканский Президент Франсуа Бозизе (François Bozizé) получил отказ. «Франция не будет вмешиваться в кризис в стране; наше присутствие необходимо, чтобы защищать наших граждан и наши интересы, но ни в коем случае не вмешиваться во внутренние дела»¹ — заявляет позднее Франсуа Олланд. Он же удовлетворяет четырнадцать дней спустя просьбу временного правителя Мали Дионкунды Траоре о содействии в борьбе с вооруженными группировками [Notin 2014: 123—124].

Культивирование неоднозначности в том, что касается обязательств, действительно выглядит важнейшим фактором, позволяющим вести интервенционную деятельность; как бы ни были велики противоречия, стать заложником своих слов невозможно. В данном случае, французские власти изначально придерживаются отстраненной позиции. «Никаких французских войск в Мали не будет»², — заявил президент Франсуа Олланд 11 октября 2012 г., добавив: «Мы не можем вмешиваться в дела африканцев»³. 23 декабря, за 20 дней до начала французского вторжения, Министр обороны Жан-Ив Ле Дриан (Jean-Yves Le Drian) настаивал: «Урегулировать ситуацию должны африканцы, а не французы»⁴. После прибытия войск в регион продолжительность вторжения стала предметом военной тайны. «Французское присутствие продлится столько, сколько необходимо» [Notin 2014: 123], утверждает президент Олланд 2 февраля, в то время как министр иностранных дел Лоран Фабиус 5 февраля замечает: «Начиная с марта месяца, количество военнослужащих в Мали, как ожидается, должно снизиться». Неделей ранее президент Олланд говорил: «В настоящее время африканцы могут действовать самостоятельно. Это они будут вести наступление на северном фронте» [Galy 2013: 72].

Также и позиции, высказываемые «международным сообществом» в отношении последствий французской интервенции, отмечены сильной двусмысленностью. Хотя они выглядят безопасными; даже при наличии критики — в начале

¹ La France refuse d'intervenir en Centrafrique. Available at: http://www.lemonde.fr/afrique/article/2012/12/28/la-france-refuse-d-intervenir-en-centrafrique_1811177_3212.html (Accessed: 12.06.2016).

² Mali: On peut donner un appui matériel, on peut former, mais la France n'interviendra pas (François Hollande). Available at: <http://lignesdedefense.blogs.ouest-france.fr/archive/2012/10/11/mali-on-peut-donner-un-appui-materiel-on-peut-former-mais-la.html> (Accessed: 12.06.2016).

³ L'intégrité du Mali est essentielle pour la sécurité de l'Europe, le 23/12/2012. Available at: http://www.la-croix.com/Actualite/Monde/Jean-Yves-Le-Drian-L-integrite-du-Mali-est-essentielle-pour-la-securite-de-l-Europe-_NG_-2012-12-23-891153 (Accessed: 12.06.2016).

⁴ Le terrorisme n'a pas encore été vaincu. Available at: <http://www.leparisien.fr/international/mali-hollande-en-visite-pour-appeler-les-africains-a-prendre-le-relais-02-02-2013-2534063.php> (Accessed: 12.06.2016).

декабря 2012 г. посол США в ООН Сьюзан Райс заявила на заседании в Нью-Йорке, говоря о французском плане: «It's crap» («Он никакой»)¹, — США оказывают военную и финансовую поддержку французской интервенции (и одновременно торжественно открывают базу беспилотных аппаратов, расположенную в Нигере). Аналогично и Германия высказывается относительно поддержки Франции двусмысленно, как до, так и после оказания таковой поддержки. По той же логике действуют страны в регионе, в том числе Алжир, который, несмотря на протесты общественности против проекта вмешательства, предоставляет полномочия на облет своей территории. Эта же культивирование неоднозначности, наконец, обнаруживается в Организации Объединенных Наций: в то время как Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун предупреждает 28 ноября 2012 г., что плохо спланированное и выполненное военное вмешательство «может ухудшить и без того крайне хрупкую гуманитарную ситуацию, а также может привести к серьезным нарушениям прав человека»², ООН поддерживает французскую операцию несколькими неделями спустя, без каких-либо мер по обеспечению судьбы сотен тысяч беженцев и вынужденных переселенцев в связи с кризисом³.

В конце концов, новая «Большая игра» стала причиной нарушения принципа суверенитета, переопределения путей развития государств, подмены направления их развития из области поддержания безопасности и стабильного политического процесса к уязвимости, насилию и всему тому, что связывается с образом пост-колониального государства. Отныне надлежит «ремонтировать» [Kaplan 2018: 75] эти «хрупкие», «слабые», «неудавшиеся» государства — что стало бы «проблемой первостепенной важности для мирового порядка» [Fukuyama 2002: 92].

Не учитывая того, что «слабость» является условием, а не результатом выбора, такая терминология определения неблагонадежности государств приводит общества в любой части света к недееспособности политики и доминированию экономики, в сочетании создающих иллюзорное моральное право «разделять и управлять» [Diabashi 2011: 6].

Детище «Большой игры», актуальной на протяжении последних нескольких десятилетий, война в Мали является фактором двух крупнейших тенденций. Первая из них — тенденция к непрерывному ухудшению международных стандартов в вопросах мира и войны, в рамках которых ответственные структуры все в меньшей степени вызывают доверие и тем не менее продолжают сохранять за собой право принимать и реализовывать решения, поскольку альтернативных им структур просто не существует. Вторая тенденция выражается в размывании таких

¹ Rice: French plan for Mali intervention is 'crap'. Available at: <http://foreignpolicy.com/2012/12/11/rice-french-plan-for-mali-intervention-is-crap> (date of access: 12.06.2016).

² L'Onu peu désireuse de se porter garante d'une intervention militaire "risquée" au Mali. Available at: http://www.algeria-watch.org/fr/article/pol/mali/onu_peu_desireuse.htm (date of access: 12.06.2016).

³ Ban Ki-moon invite à la prudence sur une opération au Mali. Available at: http://www.liberation.fr/planete/2012/11/29/ban-ki-moon-invite-a-la-prudence-sur-une-operation-au-mali_863869 (date of access: 12.06.2016).

понятий, как победа и поражение, на смену которым приходит длительный процесс пост-интервенционного распада, ставящего под угрозу консолидацию государственной власти, укреплению которой, как бы парадоксально это не звучало, должна была служить интервенция [Galy 2013: 75].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Страны Северной и Северо-Восточной Африки / Отв. ред. А.Д. Саватеев, Э.Ф. Кисриев. М.: ЛЕНАНД. 2015. сс. 227—256.

Подгорнова Н.П. Политика Франции в странах Северо-западной Африки. М., 2015.

Badie B. La diplomatie de connivance. Les derives oligarchiques du systeme international. La Decouverte. Paris. 2011. 273 p.

Bourgui A. Le délitement de l'Etat en Afrique: l'exemple du Mali. 2013. pp. 91—106.

Diabashi H. Brown Skin, White Masks, Pluto Press, London, 2011.

Fukuyama F. State-Building. Governance and World Order in the 21st Century, Cornell University Press, Ithaca, New York, 2004. P. 92.

Galy M. La guerre de la France au Mali. Comprendre la crise au Sahel et au Sahara: enjeux et zones d'ombres. Editions La Découverte, Paris, 2013. 198 p.

International Crisis Group. Mali: eviter l'escalade. Rapport Afrique de Crisis group. № 189. 18 juillet 2012. P. 5—6.

Kaplan S. Fixing Fragile States: A New Paradigm for Development (Praeger Security International). London. 2008. P. 75.

Notin J.C. La guerre de la France au Mali. Editions Tallander. 2014. 656 p.

Said E. Culture et imperialism, Vintage. New York. 1994. 380 p.

Santande S. L'Afrique, nouveau terrain de jeu des emergents. Karthala, 2014. P. 133 136

Survie. La France en Guerre au Mali. Editions Tribord, 2013. 249 p.

Дата поступления статьи: 01.03.2016

Для цитирования: *Хассимиу Б.* Новая Большая игра западных держав в регионе Сахеля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». — 2016. — № 2. — С. 215—225.

NEW GREAT GAME OF THE WESTERN POWERS IN THE SAHEL REGION

B. Hassimiu

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

This article examines and analyzes the role of Western countries in the process of destabilization of the Sahel region. The author describes in detail the process of legitimizing the invasion of the Western powers in the countries of Africa, revealing the sequence of events related to this phenomenon, as well as the totality of its consequences. The article highlighted and described a number of trends

that have emerged as a result of the new "Great Game" and define the dynamics of the world order. Special attention is paid to the issue of fighting terrorism, as required in-depth study. The paper presents in detail the metamorphosis of armed movements and groups in the region, from the Algerian slaughter and before the revolution in Libya, accompanied by their strengthening and growing influence on the level of participants in the civil war to the threat of global proportions.

Author resumes that in the end, the new "Great Game" caused a violation of the principle of sovereignty, redefining the ways of development of states, spoofing the direction of development from the maintenance of security and stability of the political process to the vulnerability and violence including all that is associated with the image of the post-colonial state.

Key words: New Great Game, the Western powers, the Sahel, terrorism, invasion, international organizations

REFERENCES

Badie B., 2011. La diplomatie de connivance. *Les derives oligarchiques du systeme international*. La Decouverte, Paris, 273 p.

Bourgui A., 2013. *Le délitement de l'Etat en Afrique: l'exemple du Mali*, pp. 91—106.

Diabashi H., 2011. *Brown Skin, White Masks*. Pluto Press, London.

Fukuyama F., 2004. *State-Building. Governance and World Order in the 21st Century.*, Ithaca, New York, Cornell University Press, p. 92.

Galy M., 2013. *La guerre de la France au Mali. Comprendre la crise au Sahel et au Sahara: enjeux et zones d'ombres*. Editions La Découverte, Paris, 198 p.

International Crisis Group, 2012. *Mali: éviter l'escalade*. Rapport Afrique de Crisis group, no. 189, pp. 5—6.

Islamskie radikal'nye dvizheniya na politicheskoi karte sovremennogo mira: Strany Severnoi i Severo-Vostochnoi Afriki, 2015. [Islamic radical movements on the political map of the modern world: North and Northeast Africa]. Edit. by: A.D. Savateev, E.F. Kisriev. Moscow, LENAND, pp. 227—256.

Kaplan S., 2008. *Fixing Fragile States: A New Paradigm for Development* (Praeger Security International), London, p. 75.

Notin J.C., 2014. *La guerre de la France au Mali*. Editions Tallander, 656 p.

Podgornova N.P., 2015. *Politika Frantsii v stranakh Severo-zapadnoi Afriki* [France's policy in the countries of North-West Africa]. Moscow.

Said E., 1994. *Culture et imperialism*. Vintage, New York, 380 p.

Santandé S., 2014. *L'Afrique, nouveau terrain de jeu des émergents*. Karthala, p. 133—136

Survie. La France en Guerre au Mali. Editions Tribord, 2013, 249 p.

For citations: Hassimiu B. New Great Game of the Western powers in the Sahel region. *Vestnik RUDN. International Relations*, Vol. 16, No. 2 (June 2016), pp. 215—225.